

тивными приемами оформления фасадов жилых домов, оконных ставен, заборов и ворот семейских, которые отличаются разнообразием цветовых решений с применением различных растительных орнаментов. Возможно, именно поэтому облик старинного культового здания в старообрядческом селе производил впечатление монументальности и выразительности.

Однако, если в настоящее время традиции семейских Забайкалья в области этнографии и фольклора сохраняются и развиваются, то традиции культового зодчества практически полностью утрачены. Этот тезис подтверждается современным опытом возведения церковных зданий в районах проживания семейских. Решить проблему можно, привлекая к проектированию старообрядческих храмов архитекторов-профессионалов, которые могут использовать весь арсенал богатейших традиций местного культового зодчества.

Литература

1. Лебедева А. А., Тарусская М. Г. Из культурного наследия народов России. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1972. – С. 71.
2. Бусева-Давыдова И. Л. К проблеме канона в православном храмостроении. Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 64.
3. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. – М.: ИПЦ «ДИК», 2004. – 352 с.
4. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVII-XX вв. – М.: ИПЦ «ДИК», 2004. – С. 95.
5. Болонев Ф. Ф. Указ. соч. С. 267.
6. Государственный архив Иркутской области.
7. Болонев Ф. Ф. Указ. соч. – С. 268.
8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 159. Л. 12-13.
9. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 160. Л. 5-5об.
10. Болонев Ф. Ф. Указ. соч. Приложение №6. С. 315.
11. Болонев Ф. Ф. Указ. соч. С. 270.
12. Государственная научно-техническая библиотека СО РАН РФ. г. Новосибирск.

УДК 271.2-526:069(571.55)

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-345-352

© *Н. Н. Константинова*

К атрибуции предметов меднолитой пластики в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея

В статье приводятся сведения о вкладе исследователей в изучение коллекций меднолитой пластики, хранящихся в фондах центральных российских музеев и музеев Сибири и Дальнего Востока. Представлены краткая характеристика подобной коллекции Забайкальского краевого краеведческого музея (ЗККМ), приводятся данные из истории поступления в музей предметов и их изучения. Даны структура, названия разделов будущего каталога указанной коллекции ЗККМ, называются параметры каталожной статьи. Отмечается трудность атрибуции предметов (определение датировок, центров изготовления образцов и др.) из-за некачественного первичного описания предметов меднолитой пластики во время их поступления в музей в 1930-1980-е гг.

Ключевые слова: меднолитая пластика, краеведческий музей, Забайкальский краевой краеведческий музей, каталог, каталожная статья, атрибуция предметов, крест, икона.

On the subject of copper cast collection authentication in the Zabaikalsky Museum of Local Lore and History

The article presents the data on different researchers' contribution to the study of copper cast collections, preserved in Central Russian museums and museums of Siberia and The Far East. The article also features a short characteristic of such collection from Zabaikalsky Museum of Local Lore and History, data on the history of material acquisition by the museum and its study. The paper presents the structure, titles of chapters of a future catalogue of museum collection and the parameters of a catalogue article. Due to unqualified primary description of copper cast objects at the time of their registration in 1950-1980, there is a difficulty in authentication of the objects (identification of date, manufacturing center, etc.).

Keywords: copper cast, Museum of Local Lore and History, Zabaikalsky Museum of Local Lore and History, catalog, catalogue article, items authentication, cross, icon.

В Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова (далее ЗККМ) за многие годы накопилось большое количество изделий культовой меднолитой пластики (кресты, иконы, складни и др). Это в основном поздние образцы, датированные XVIII – началом XX в. Более ранние, относящиеся, например, к XVI–XVII вв., еще предстоит выявить, но уже сейчас можно говорить, что таковых в коллекции ЗККМ – единицы. Большинство данных предметов мы относим к старообрядческим, поскольку медное литье после правительственных указов 1722 и 1723 гг., запретивших держать в домах медные и оловянные литые иконы, сохранялось в основном в обиходе старообрядцев. Надо отметить, что в центральных российских музеях, в фондах которых также содержатся подобные коллекции и достаточно изучены, культовое литье представлено не только поздними образцами. В них присутствуют и древнерусские образцы, и те, которые мы относим к дониконовским (или достарообрядческим), то есть относящиеся к XV–XVI вв. Поэтому нельзя считать, что вся меднолитая культовая пластика в фондах ЗККМ является старообрядческой.

В настоящее время многие музеи накопили большой опыт изучения коллекций культового литья, о чем свидетельствуют соответствующие публикации [15; 18; 4; 10; 13; 22; 24; 5; 16; 17 и др.]. И если раньше к данной теме обращались ученые и музейные специалисты центральных российских регионов, то в последние 20 лет она стала объектом исследования сибирских и дальневосточных музеев и научных центров [7; 11; 9; 1 и др.]. В течение последних пяти лет вплотную изучается коллекция меднолитой пластики ЗККМ, которая отнесена к разделу «Православное культовое литье».

Данная коллекция в ЗККМ начала складываться с 1930-х гг., когда составляющие ее предметы поступали в музей после закрытия храмов и конфискации их имущества. Позже поступали единичные предметы от частных лиц. На сегодняшний день коллекция насчитывает около 200 предметов (кресты, иконы разного размера, образки, складни и их фрагменты). Их атрибуция проводилась во время первичного учета, а также в связи с подготовкой выставок (посвященной 1000-летию крещения Руси в 1988 г., куратор Н. Зубцова; «Славянские традиции

в культуре Забайкалья» в 1998 г., куратор Н. Н. Константинова) и ныне действующей постоянной этнографической экспозиции (раздел «Семейские»). Атрибуция проводилась главным хранителем фондов музея М. И. Алфериной, ею также подготовлена опись данных предметов. Тем не менее, полное научное описание данной музейной коллекции имеется на 50 % коллекции, что подводит к составлению каталога. Своеобразным ориентиром для этой работы является каталог, опирающийся на выработанные учеными и музейщиками за последние 50 лет методологические принципы и обладающий большой информативностью (хотя качество его издания желает быть лучшим) [12].

Итак, предстоящий каталог планируется организовать по типологическому и иконографическому принципам по трем разделам: «Кресты», «Иконы», «Складни». В структуре раздела «Кресты» предметы или, как исследователи называют, отливки предполагается сгруппировать в нескольких подразделах по их назначению и форме (нательные, напестольные или аналойные, киотные), по иконографии и размерам – от нательных крестов до композиций на основе крестов с изображением Распятия. В разделе «Иконы» предметы будут группироваться по иконографии в подразделах «Иконография Богоматери», «Иконография Христа», «Деисусные композиции», «Праздники», «Святые», причем назначение, форма и размеры здесь будут рассмотрены по рубрикам (нательные, «божничные» и др.). Раздел «Складни» (по форме двустворчатые, трехстворчатые, четырехстворчатые) сгруппирует предметы также по иконографии по указанным в «Иконах» подразделам. В отдельные группы будут выделены миниатюрные двустворчатые складни и разрозненные створки складней.

Каталожная статья будет включать в себя следующие параметры:

1. Каталожный номер, тип предмета, наименование сюжета, датировка, центр изготовления и мастер (при наличии информации), обозначение материала и техники, размеры пластины и изображения (см), аббревиатура музея, инвентарный номер или номер по КП основного или вспомогательного фонда, время и источник поступления отливки в музей (место сбора, фамилия прежнего владельца и собирателя).

2. Каталожное описание (попредметное) или указание на отличия от общего для группы памятников описания (краткое описание сюжета и декора). Степень сохранности с указанием утрат, дефектов или существенных поверхностных изменений: окислы, коррозия, патина.

3. Ссылки на аналогии в других публикациях, комментарии.

Если название предмета является специфическим или даже местным, оно будет указано вместе с общепринятым названием в начале описания. При описании того или иного предмета не исключено отсутствие данных того или иного подраздела из-за неполноты его описания в инвентарных книгах при его поступлении в коллекцию музея. В идеале нумерация сведений о предмете будет соответствовать с нумерацией его иллюстрации. В случае, если не будет помещена иллюстрация по причине полной идентичности изображаемого сюжета, нумерация сведений не совпадет с нумерацией иллюстрации. Тогда целесообразно прибегнуть к двойной нумерации.

Общим признаком для всех классифицируемых предметов является их культовое назначение (напрестольный или аналойный крест, икона, образ, складень, как объекты поклонения во время молитв; нательные крест и икона как средство для оберега). Также общим для них являются материал и техника изготовления. В нашем случае – это сплав, за основу которого взята медь, и литье, как правило, в восковой форме. О чем и свидетельствует объединяющий все эти предметы в единый класс термин *меднолитая пластика*. В настоящее время еще рано утверждать, из какого конкретно сплава изготовлены предметы нашей коллекции. Однако по литературе известно, что в практике старообрядцев в XIX в. подобные предметы отливали из латуни, медно-никелевых сплавов и серебра, что почти все они подвергались золочению через огонь, многие отличаются высоким качеством литья и тщательной проработкой деталей [9].

Хотя в настоящее время некоторые предметы нашей коллекции мы датируем XVIII в. и даже предполагаем, что в ней есть более ранние предметы, однако учитываем, что здесь не исключены ошибки. Известно, что в более позднее время образцами при отливке старообрядческой культовой металлопластики служили «старинные» (т. е. дониконовские) иконы и кресты. Зачастую даже внешний облик вновь отлитого образа «старили» путем несложных химических процедур. Например, имеется описание подобного производства в XIX в. в Никологорском погосте Вязниковского уезда: «Отливают в снятую со старинного изображения форму икону или крест из зеленой меди, потом кладут на два часа в воду, в которой распущена простая соль, затем вынимают и держат над парами нашатыря, отчего зеленая медь обращается в цвет красной меди и изображение принимает, кроме того, закоптелый старый вид» [21, с. 52]. Это, безусловно, затрудняет изучение коллекции, может привести к неправильной атрибуции. Дату изготовления предмета, причем приблизительную, мы определяем пока на основе лишь стилистического анализа (на изученных и описанных предметах, как правило, дата отсутствует), поэтому мы сознаем, что такой подход может привести к ошибкам. Как считают некоторые исследователи, есть все основания полагать, что старообрядческие иконы из сибирских музейных фондов, ошибочно датируемые XV–XVI вв., являются более поздними подделками «под старину» [1, с. 20].

Что касается места изготовления, то этот параметр мы устанавливаем по аналогиям. К настоящему времени известны наиболее крупные центры старообрядческого литья XVIII – первой четверти XIX в.: Соловецкий монастырь (Поморье), Выгорецкая пустынь на Онежье, Преображенская федосеевская община в Москве, Гуслицкий, Ильинский погосты в Подмосковье, а также меднолитейные мастерские на Урале, в Латвии [7, с. 122-123, 130]. В конце XIX – начале XX в. литейные мастерские действовали в Красносельской волости Костромской губернии [13].

В последнее время все больше исследователей утверждает, что существовали мастерские культового литья в Сибири. В них такие предметы изготавливались по известным образцам центральной России. Известны такие мастерские на Тюмени, есть предположение, что они бытовали на Алтае и в Восточной Сибири [13, с. 18]. В отношении Забайкалья подобных сведений нет. Некоторые авторы

даже прослеживают характерные признаки сибирских старообрядческих икон: двуперстие, восьмиконечный крест-распятие; обилие богословских текстов и растительного орнамента; более тщательная проработка сюжетов; многослойность красок; присутствие некоторых персонажей, исключенных официальной иконографией (например, повивальная бабка Соломия при Рождестве Христовом и др.); более частое использование «ковчега» в иконах [13, с. 19].

Как правило, при атрибуции затруднено указание на центр литья, поскольку в пределах одного конкретного центра могли воспроизводиться образцы, возникшие в Поморье, Москве и Подмосковье, Поволжье и других местах, а также изготавливались подделки местных образов «в старинном виде» [12, с. 18-19]. В связи с этим маловероятно и определение мастера, хотя сделать это весьма заманчиво. Возможно, в процессе дальнейшего изучения выявятся какие-либо признаки, которые позволят это сделать.

Атрибуция предметов меднолитой пластики из фондов ЗККМ весьма затруднена в связи с ограниченным набором информации о них. Как правило, в большинстве записей книг поступления предметов указанной коллекции ЗККМ отсутствуют имена владельцев, не говоря уже об именах мастеров, отсутствуют даже имена сдатчиков и даты поступления. Но есть причины и, так сказать, общего порядка. Они связаны с тем, что владельцы культовой металлопластики находились в условиях постоянных гонений со стороны официальных гражданских и духовных властей и обладание литьем держалось в строжайшем секрете и с тем, что забайкальские старообрядцы не представляли собой однородной профессиональной массы. Принадлежность их к двум направлениям – поповскому (беглопоповскому) и беспоповскому, которые в свою очередь распались на многочисленные толки и согласия, различия между которыми часто не были раз и навсегда определены, а зависели от меняющихся обстоятельств (разногласия в деталях обряда, условиях проведения службы и др.), затрудняет определение принадлежности предметов к тому или иному согласию, хотя существует множество отличительных признаков, позволяющих это сделать.

Например, кресты-распятия с изображением Саваофа и голубя – признак имевшего наибольшее распространение в Забайкалье беглопоповского часовенного согласия, сформировавшегося в Москве [23, с. 16; 1, с. 19]. Использование титулов «ІС – ХС» – «Ника» – традиция поморцев беспоповского толка, а титулы «ІН – ЦІ» характерны для федосеевцев XVIII в. Однако такие определения требуют большого практического опыта и осторожности, так как на отдельных исторических этапах толки эволюционировали, а на отдельных священных предметах имеются черты, характерные для различных согласий.

Не вызывает сомнения принадлежность восьмиконечных крестов только к старообрядцам (поповцам и беспоповцам), так как только восьмиконечный крест-распятие был «завещан» святым протопопом Аввакумом. Бытование на престольного (аналойного) восьмиконечного креста у старообрядцев Забайкалья и Дальнего Востока (а старообрядцы этого региона – выходцы из Забайкалья) достаточно изучено. Он является обязательной принадлежностью переднего угла каждого старообрядческого дома и часто помещается в центре красного угла. Иногда такие кресты врезали в деревянные иконы и даже в обычную доску, и он

становился крестным. Восьмиконечный напрестольный (аналойный) крест используется также при отпевании, тогда его кладут покойнику-мужчине. Иногда вместо креста применяется «Никола» (икона Святого Николая Чудотворца). При отпевании женщин крест используется редко, чаще – образ Богородицы [9, с. 105].

Как отмечал Ю. Д. Талько-Грынцевич, в конце XIX в. преобладающей сектой (тогда толки и согласия старообрядчества по современным меркам именовали оскорбительно по отношению к приверженцам старых обрядов) среди семейских в Забайкалье являлась беглопоповская («секта вольно-приходящих священников»), относившаяся к часовенным (Москва). Из Москвы от них забайкальские беглопоповцы получали иконы, молитвенники и «евангелие Галицкого издания», церковную утварь, оттуда прибывали на время и священники [23, с. 16].

Самое значительное количество беспоповцев проживало в Большом Куналее (600 человек) и в Окино-Ключах (200 человек – 1/3 населения) [23, с. 19]. Талько-Грынцевич отмечал, что у беспоповцев незначительное количество икон, причем большей частью – металлические распятия Спасителя [23, с. 20]. Беспоповцы, которые проживали в Окино-Ключах, не признавали священства, хоронили, не повивая, покойника клали ниц лицом. На распятии у них отсутствовала надпись «Исус Назарянин» и изображение внизу адамовой головы [20, с. 116]. У беспоповцев в Большом Куналее было несколько приходов: Большой, Гурьянов, Платонов и др. Беспоповцы-темноверцы не признавали свечей и деревянных икон, молились на медные иконы, но не носили кресты из меди, а имели крест из кедра, который носили на гайтане, в кутью не клали мёд. Средники из беспоповцев вообще не признавали икон и молились на восток во дворе [2, с. 264].

А. Н. Добромыслов наблюдал семейских в 1920-х гг. в селениях на Чикое, а также в деревнях Кумахте, Балтасуне, Аленгуге, пос. Кыекенском, куда семейские переселились вследствие малоземелья. У них, как отмечал исследователь, крест ценится восьмиконечный, литой из меди, как и иконы (особенно складни). Крест простейшей формы (католический, протестантский) игнорируется, так как, по их мнению, Христос был распят на восьмиконечном кресте. Из рукописных икон признают только иконы старого византийского письма. Колокола как заимствованные у запада не в почете. Их заменяют била (деревянные доски) или клепала (железные доски), подвешенные на перекладинах, в которые колотят (так как в первенствующей христианской церкви не было колоколов, их заменяли била и клепала) [8, л. 1-2]. Когда в избе кто-либо курит из приезжих, иконы задергиваются особыми занавесками [8, л. 4].

Бытование старообрядческого культового литья в Забайкалье тесно связано с миграциями старообрядцев. Как уже было сказано, свидетельств подобного производства в Забайкалье пока не обнаружено. Известно, что поповцы имели свои храмы, молитвенные дома с набором церковной утвари. У беспоповцев, отрицавших священство, тем не менее в домах уставщиков, которые руководили их духовной жизнью, также содержались иконы, складни, даже целые иконостасы, которые использовались во время молений. И у тех, и у других был большой спрос на иконы, складни, кресты. Поэтому их привозили как из признанных центров старообрядческого литья (Выгорецкая пустошь, Поморье, Преображенская и Рогожская слободы Москвы и др.), так и из Сибири, где также создава-

лись мастерские, в которых такие предметы изготавливались по известным образцам Центральной России.

Обобщающих работ по сибирскому старообрядческому иконотворчеству нет. Поэтому в целом в его изучении актуальными остаются вопросы: выделение центров сибирского старообрядческого иконотворчества; атрибутирование икон; техника изготовления; отношение разных направлений старообрядцев к иконам.

Литература

1. Алехин Ю. П., Урлаткин Е. Б. Сибирское старообрядческое иконотворчество (вторая половина XVII – начало XX в. // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпозиума. – Новосибирск, 1998. – Т.2. – С. 17-20.
2. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. – Москва: ИПЦ «ДИК», 2004. – 352 с.: илл.
3. Винокурова Э. П. Поморское медное литье в собрании Карельского государственного музея (обзор коллекции) // Краеведение и музей: Карельскому государственному краеведческому музею 120 лет. – Петрозаводск, 1992. – С.76-105.
4. Винокурова Э. П. О типологии медной художественной пластики конца XVII – XIX в. Принципы формирования научного каталога // Русское медное литье: сб. ст. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 34-42.
5. Гнутова С. В. Памятники новгородского медного художественного литья XIV-XVI вв. из собрания Музея им. Андрея Рублева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990. – М., 1995. – С. 364-370.
6. Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: альбом-каталог. – М., 2000. – 136 с.
7. Гончарова Н. А., Гончаров Ю. А. Меднолитая пластика в собрании историко-краеведческого музея г. Екатеринбург // Древнерусская традиция в культуре Урала. – Челябинск, 1992.
8. Добромыслов А. Н. Материалы о семейских и зарисовки орнамента (верховья Ингоды). 1925 // Научный архив ЗККМ.
9. Егошина Г. Г. Гуслицкое старообрядческое литье в собрании Хабаровского краеведческого музея // Алтарь России. – Большой Камень: Омега, 1997. – Вып.1. – С. 104-108.
10. Зотова Е. Я. Источники формирования коллекции медного литья музея им. Андрея Рублева // Русское медное литье: сб. ст. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 88-97.
11. Исаева Н. Н. Из опыта каталогизации коллекции медного литья Красноярского музея // Русское медное литье: сб. ст. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 93-103.
12. Исаева Н. Н. Русское медное художественное литье XVI-XX вв. Приенисейский регион: сводный каталог. – Красноярск, 1996. – 330 с.
13. Куколевская О. С. Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии конца XIX – первой четверти XX в. (история, традиции) // Русское медное литье: сб. ст. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 71-75.
14. Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII-XVII вв. в собрании Загорского музея: Каталог. – Загорск, 1960.
15. Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI-XVI вв. – М., 1968.
16. Островский А.Б. Православные нагрудные кресты (зримые черты символов) // Кунсткамера. – СПб., 1995. – Вып. 8-9.
17. Осторовский А. Б., Федоров Ю. А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. – СПб., 2007. – 348 с.: ил.
18. Принцева М. Н. Памятники мелкой меднолитой пластики в собрании Государственного музея истории религии и атеизма // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1983. – С.35-52.
19. Принцева М. Н. К вопросу об изучении старообрядческого медного литья в музейных собраниях // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1986. – С. 47-63.

20. Ровинский П. А. Материалы для этнографии Забайкалья // Известия Сибирского отдела ИРГО. – Иркутск, 1873. – Т.4. – № 3. – Июнь. – С. 113-132.

21. Савина Л. Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX-начале XX в. // Русское медное литье: сб. ст. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 48-55.

22. Самойлов Л. Ю. Проблемы нормативного описания медного литья (мелкой пластики) // Русское медное литье: сб. ст. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 43-47.

23. Талько-Грынцевич Ю. Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО № 2. 28 октября 1894 года. – Отд. оттиск. – 29 с.

24. Фролова Г. И. Медное литье // Культура староверов Выга: к 300-летию основания Выговского старообрядческого общечительства: каталог. – Петрозаводск, 1994.

УДК 796.5+281.93-3

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-352-355

© *Л. Б.-Ж. Максанова, Л. Ф. Пластинина*

Использование потенциала культуры старообрядцев в устойчивом развитии сельского туризма

Одной из составляющих богатейшего туристско-рекреационного потенциала Республики Бурятия является традиционная культура старообрядцев. В статье представлен туристский продукт «В гостях у семейских», признанный в 2014 г. лучшей региональной практикой развития сельского туризма в Российской Федерации.

Ключевые слова: сельский туризм, культура старообрядцев, «В гостях у семейских», успешный проект.

L. B.-Zh. Maksanova, L. Ph. Plastinina

Using the potential of culture of old believers in sustainable development of rural tourism

One of the components of rich tourism potential of the Republic of Buryatia is the traditional culture of Old Believers. The article presents tourist product «The Believers», recognized in 2014 best regional practices of rural tourism development in the Russian Federation.

Keywords: rural tourism, culture of old believers, «the believers», successful project.

В настоящее время в Российской Федерации уделяется большое внимание государственной поддержке развития туризма в целом и сельского туризма, в частности. В Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2020 года, в Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011-2018)» сельский и экологический туризм определены как перспективное направление для большинства регионов России [6; 7]. А в Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. и федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий в Российской Федерации на период до 2020 года» определены задачи